Михаил ‘g.A.Mauzer’ ТОКМАКОВ (г.Новокузнецк Кемеровской обл.)

ГРУЗ В ЖЕСТИ

— Присаживайся, — сказал редактор, сделав приглашающий жест.

Коротко кивнув, Ирина уселась на стул. По привычке корреспондент положила перед собой блокнот с заткнутой за спираль ручкой.

Редактор некоторое время молчал, упёршись в молодую женщину взглядом. Обратив на это внимание, Ирина в свою очередь принялась разглядывать Ваганыча (как называли за глаза Евгения Ивановича, имея в виду внешнее сходство с прототипом: «солидную» фигуру с бюргерским животом, некоторую ушастость и начавшую пробиваться седину). Какое-то странное, словно судорожное, выражение лица редактора наводило на нехорошие мысли.

— Как дела? — начал между тем Ваганыч — издалека, что называется. — Как сын,

растёт большой?

— Да, — сдержанно ответила Ирина. Такой «издалечий» старт разговора только усиливал её подозрения.

— А семья как, нормально? Все живы-здоровы?

— Всё в порядке.

— Значит, сына есть с кем оставить?

— Евгений Ваг… То есть, Евгений Иванович, что вы ходите вокруг да около? — спросила женщина, сложив ладони на крышке стола. — Из ваших слов уж ясно, что командировка. И я не понимаю, к чему эти предисловия. Как будто в первый раз.

Редактор закашлялся.

— Тьфу ты, господи, — проворчал он, откашлявшись, и полез в карман за платком. — В том и дело, Полозова, что в некотором смысле в первый раз.

— Эм… Не поняла, — призналась Ирина, недоумённо пожав плечами.

— Сейчас объясню, — пробурчал Ваганыч, заталкивая платок обратно. — В общем, дело обстоит так. Чечня, будь она неладна. От нашего города, там собровцы лямку тянут и ещё кое-кто. А недавно отправили батальон мотострелковый. А в батальоне том — полным-полно новобранцев, по летнему призыву набранных. И, сама понимаешь, забурлило. Засим оттуда, — редактор, намекая откуда, указал пальцем в зенит, — нам спустили просьбу-приказ: выделить корреспондента, чтобы съездил, поглядел и

написал что-нибудь про наших. Что-нибудь успокоительное: солдат спит — служба идёт, дружба народов, боевое братство родов войск и так далее. Сейчас там вроде как затишье относительное. Вот об этом, дескать, и надо рассказать.

— Вон как, — протянула Ирина. — Чтоб заткнулись, короче говоря.

Ваганыч кивнул в ответ.

— Хороший подход к делу.

— Ну… Сама знаешь: у нас власть спокон века такого подхода придерживается. Да и не только у нас, наверное, — пожал плечами редактор. — Ну, думаю, уже всё понятно.

— Понятно, — со вздохом кивнула корреспондент.

— Учитывая, какое дело, отказаться можно, слова тебе никто не скажет. Собственно, я тебя и позвал-то потому, что двое уже отказались.

— А кто?

— Ремезов и Щаденко. Эх, — усмехнулся редактор, — второй хоть честно сказал: «Боюсь!» А Ремезов — этот начал гнуться: «Да я, мол, честный журналист, туфту писать не хочу!» Вот такая загогулина… Что скажешь?

— А что сказать? Раз уж бабу на войну посылаете — значит, больше и в самом деле некого, — развела руками Ирина. — Значит, придётся ехать. И этот «честный журналист» заодно пусть язык свой засунет куда поглубже.

— Значит, добро?

— Добро, Евгений Иванович.

— Ну, спасибо, подруга! — повеселел редактор. — Тогда билеты-документы — как всегда у секретаря. И ещё кое-что, секунду… — Сделав успокоительный жест, Ваганыч полез в ящик стола. — Вот, адресочек. «Солдатские матери», знаешь? Благотворительностью занимаются.

— Слышала, — кивнула корреспондент.

— Они на неделе отправляют груз. Гуманитарная помощь: тушёнка там, сгущёнка. Я позвонил, договорился, чтобы взяли тебя с собой. С провожатыми всяко лучше: хоть не одна там будешь. Надо бы тебе заехать к ним, утрясти моменты. Заодно расскажут, что там и как. Что одеть, что с собой взять, ну, и так далее.

— Понятно, — кивнула Ирина, разглядывая блокнотный лист с адресом. — Заеду… Да прямо сейчас и заеду, только за бумагами зайду.

Ирина постучалась в безликую дверь и, не дожидаясь ответа, открыла её и просунулась в кабинет. Первым, что попалось на глаза, были выдавший виды стол ещё советского производства и сидевшая за ним над какой-то бумагой довольно объёмистая кудрявая женщина. Вместе со столом она занимала не меньше половины крохотного помещения.

— Можно?

— Ну, в общем-то, как бы, уже, — ответила женщина неожиданно радушным тоном и широко улыбнулась. — Здравствуйте.

— Добрый день, — тоже заулыбавшись, ответила корреспондент.

— Заходите, заходите. Там стул, дальше не пойдёт, — пояснила хозяйка, когда гостья в недоумении пыталась и не могла открыть дверь нараспашку. — Вы ведь Ира?

— Да, — кивнула Ирина, войдя в кабинет. Когда она закрыла дверь, помещение —оказалось ей ещё меньшим: и действительно, в комнате, занятой столом, двумя стульями, маленьким шкафчиком и кудрявой женщиной, почти не оставалось свободного пространства. Правда, корреспондент заметила, что напротив входа была ещё одна дверь. — Вам звонили из редакции?

— Да, да, буквально полчаса назад, — закивала хозяйка, не переставая улыбаться. — Кстати, Зоя Михайловна, можно просто Зоя.

— Очень приятно, — ответила Ирина, протягивая руку для приветствия.

— А мне как приятно! Никогда ещё не доводилось говорить с «акулами пера»! — весело засмеялась Зоя, жестом приглашая сесть. — Значит, с нами поедете?

— Выходит, так, — кивнула корреспондент, опустившись на расшатанный советских же времён стул. — Приехала навести мосты, так сказать.

— И верно, и верно, — снова закивала Иринина новая знакомая и замахала руками. — А то как бывает: человека дадут в довесок, а он и не знает, куда едет-то, и как вообще надо… Давайте бумаги.

— Конечно…

Где-то с минуту Зоя рассматривала документы.

— Ну вот, вот… — потрясла она пачкой бумаг и протянула их обратно. Ирина уже подумала, что что-то не так, но тут Зоя добавила. — Всё прекрасно!

— Ага… А я… Ну, неважно, — улыбнувшись, Ирина спрятала бумаги обратно в сумку. — Я собственно, что хотела узнать…

— Да, да, да? — наклонившись вперёд, спросила хозяйка. Ирина вскинула руки, придумывая вопрос, не нашлась, что сказать, хлопнула в ладоши и улыбнулась. — А-а-а-а, понятно, — Зоя в своей манере снова часто закивала, — что, как, куда, когда. Да?

— Да, — усмехнувшись, ответила Ирина.

— Не стесняйся. Многие затрудняются, ты такая не одна.

— Ну, просто… Понимаешь, я была в дальних командировках, но не в таких, — пожала плечами Ирина, тоже переходя на «ты».

— Лучше бы никому в таких командировках не бывать, — помрачнев, отмахнулась Зоя. — Слава Богу, мой в девяносто первом из армии вернулся, до всей этой ерунды… Ладно, не будем о печальном, сейчас всё объясню. Ну, груз сначала поедет отдельно от нас, да и не твоя забота он… Ну, приходи на вокзал за час до отъезда, я тебя там буду встречать…

— Стоп, стоп… То есть с тобой поедем?

— Да. А что? — спросила Зоя, удивляясь вопросу гостьи.

— Ничего, — Ирина отрицательно помотала головой. — Просто… Я не понимаю: это что, такая новая мода — баб в «горячие точки» посылать?

— А-а-а-а! — протянула секретарь и звонко рассмеялась. — Да нет, тут другое, — начала пояснять она, видя озадаченность в глазах корреспондента. — У нас раньше грузы сопровождал Владимир Александрович. Он сам старый вояка, в Афгане был. Но тут вмешались другие силы. Заболел. Ап-пен-ди-цит! — по слогам заявила Зоя. — Так что вот так. Я поеду. Ну и ты, само собой.

— Ну и я, да, — улыбаясь и качая головой, согласилась Ирина.

— Не перебивай давай! На чём я остановилась?

— На вокзале.

— А, ну да…

— А я думала, ты уже бывалая, — пожала плечами Ирина.

— Ой! — отмахнулась Зоя. — Какая бывалая?! Я вообще летать боюсь! А тут ещё это «вжу-вжу», я думала, у меня сердце выскочит… Просте, хосспаде…

— Да уж... — Ирина вздрогнула, прогоняя в памяти только что закончившийся полёт.

Сперва долго ругались на аэродроме Моздока. Андрей (прапорщик, с которым они ехали) тряс бумагами и указывал на потёртый тупорылый «газик», в котором они ехали от самых Минвод, пересев с нижегородского поезда. Командир вертолёта в ответ с пеной у рта доказывал, что погода ухудшается и что «никому там эти компотики нах не сдались, в живых бы остаться!» От лётчика женщины, ужаснувшись, узнали, что шестого марта «духи» снова напали на Грозный, и сейчас никакое не затишье, а вовсе даже настоящая война. Чуть позже подошли несколько офицеров, которым тоже нужно было в Ханкалу. Узнав в чём дело, они всё-таки упросили лётчиков добросить «гуманитарку». Потом все вместе перегружали коробки из «шестьдесят шестого» в вертолёт. В благодарность женщины одарили частью своего груза (а в коробках кроме консервированных компотиков были бритвы, мыло, носки и прочие важные мелочи) и Андрея с Жорой, и офицеров-попутчиков, и пилотов (командир отнекивался, но в конце концов сдался). Решили: раз неизвестно, можно ли доставить посылку адресатам, то пусть хоть так пойдёт в дело — в конце концов, везли солдатам, а никого других тут нет.

Потом был казавшийся бесконечно долгим полёт. Что Зоя боится летать, Ирина поняла сразу, как только вертолёт отделился от площадки: толстуха попеременно то выглядывала в иллюминатор, то приваливалась к стенке и что-то бормотала. Корреспондент тем временем расспрашивала попутчиков — кто, откуда и так далее — записывая в блокнот. Один — лейтенант Рябцев, танкист, оказалось, уже был в Чечне — во время «новогоднего» штурма Грозного, остальные прибыли в первый раз.

А где-то на полпути случилось то самое «вжу-вжу», о котором упомянула Зоя: грузовой отсек вертолёта наполнился отсветами огненных вспышек, бившими в иллюминаторы, а снаружи раздался жуткий воюще-жужжащий звук, очень громкий даже на фоне стрекочущего грохота винта. Зоя, истошно завизжав, обхватила голову руками и завалилась вперёд, прямо на коробки, Ирина тоже сжалась и зажмурила глаза. «Вот и всё», — подумала она. Но дальше ничего не случилось, полёт продолжался как ни в чём не бывало, и журналистка решилась посмотреть: вертолёт был цел, и все были живы.

Офицеры сидели чуть побледневшие, а Рябцев заливался хохотом. Он объяснил, что это пилот отстреливал противоракетные тепловые ловушки, для профилактики. Так потом было ещё несколько раз. Зоя больше не кричала и не падала, а только зажмуривалась и закрывала ладонями уши.

А по приземлении была новая перепалка: уже со встречавшим офицеров направленцем, разразившимся по поводу «бабья» длинной тирадой, в которой были «на хрена?», «тушёнка-сгущёнка» и отборный мат. Спас положение опять же Рябцев: заткнул крикуна (тот был младше званием, чем покрытый шрамами танкист) и приказал ему взять вместе с пассажирами и груз. В итоге часть «гуманитарки» уехала вместе с офицерами в один из сводных отрядов, а женщин и остатки груза согласились взять с собой встречающие от других подразделений…

— Вам не страшно? — громко спросил командир бронемашины, перекрикивая шум двигателя и гусениц. Ирина, не ожидавшая такого вопроса, задумалась:

— Ну, как сказать… На аэродроме, когда узнали, что опять бои, было страшно… И в полёте тоже немного страшновато…

— Да нет, — усмехнувшись, перебил её прапорщик. — В стране этой чёртовой страшно всем, и мне тоже. Я другое спросил: в машине вам не страшно? Не давит? — командир пристукнул кулаком по броне.

Журналистка покосилась на окрашенный белым потолок БМП. Ирину втиснули на оставшийся свободным уголок скамьи у невысокой перегородки, разделяющей подбашенный и пассажирский отсеки боевой машины; всё остальное пространство заднего отделения «бэхи», предназначавшегося для пехотинцев, занимали картонные короба. Внутри действительно было душно и очень тесно, как в переполненном лифте, но терпимо. Об этом Ирина и сообщила:

— Сойдёт, не рассыплюсь.

— Вот и хорошо.

— Я-то ладно, а вы сами как в этих консервных банках ездите? — поинтересовалась журналистка.

— А сами мы не в них, а на них ездим, на броне. Ну, на крыше, — пробубнил командир, заметив вопросительное выражение в глазах спутницы. Дальше его неразборчивая речь (а прапорщик, словно куда-то торопясь, проглатывал половину слов) приняла какой-то извинительный тон. — Ну, понимаете, здесь мины везде, а броня-то — тонкая, взрыв не держит. Зацепишь — тех, кто внутри сидит, по стенкам размажет. В прямом смысле. Ну и, сами видите, тесновато.

Корреспондент сдержанно кивнула. После реплики прапорщика теснота машины отошла на второй план, уступив проблеме размазывания по стенкам. Командир машины меж тем продолжал:

— Хорошо, что вы такая тоненькая, да и не из пугливых. А то бывает боятся в «бэхе» ездить: клаустрофобия, «давит», — Ирина, услышав это объяснение боязни такой езды, не удержалась, чтобы не фыркнуть. Но прапорщик не заметил. — Мне первое время, ещё в срочную, тоже страшновато было, привык потом. А вот товарке вашей, наверное, тяжеловато придётся… Она такая полненькая…

… С Зоей расстались там же, в Ханкале, раньше, чем ожидали. Женщины думали, что проедут к «фронту» вместе (правда, обеим было совершенно неясно, где здесь фронт и есть ли он вообще), но получилось иначе.

Пока ждали прибытия остальных офицеров, которых должны были встречать направленцы, выгрузили из вертолёта оставшуюся часть «гуманитарки». Ирина и Зоя, которых от этой работы по-джентльменски освободили, тихо переговаривались в стороне, прислушиваясь к изредка доносящимся звукам далёких выстрелов. Благотворительница при этом украдкой подглядывала за тем, как четверо солдат неспешно грузили коробки в приземистые, похожие на танки, гусеничные машины, которые кто-то из военных назвал «бэхами» (чуть позже прапорщик Котельников, с которым поехала Ирина, объяснит, что «бэха» — сокращение от «БМП», что означает «боевая машина пехоты»). Утренний туман, покрывающие старые машины грязь и ржавчина, и протяжные, как при замедленной съёмке, движения людей придавали картине какой-то сюрреалистический оттенок. Журналистка, в руках которой был фотоаппарат, не преминула запечатлеть этот сюжет на плёнку. Между тем, подошёл один из направленцев и сказал, что больше вертолётов не будет — погода в Моздоке испортилась совсем — и ждать оставшихся поэтому нет смысла, придётся ехать обратно.

Груз уже успели уложить в «бэхи»; женщинам пришлось залезать в битком набитые машины через верх. Ирина, лёгкая и поджарая, проворно взобралась на крышу БМП и, протискиваясь в башенный люк, успела заметить, как трое военных пытаются затолкать кряхтящую Зою наверх второй машины. Ударившись головой о какую-то железку, журналистка, как ей указали, перелезла через маленькую перегородку и осторожно опустилась на обшарпанный дерматин скамьи. Бойцы, привычно и без лишних движений, заняли свои места, мехвод запустил двигатель, и БМП через пару минут прогрева тронулась с места.

На вопрос Ирины, а едет ли с ними вторая машина, командир ответил, что «бэха», в которой поедет Зоя, принадлежит к другому сводному отряду. «То есть, — пояснил он, — тут вы разъезжаетесь».

Журналистка помрачнела, представив, как «обрадуется» её спутница.

— А? — спросила Ирина, заметив, что прапорщик внимательно смотрит на неё, словно ожидая ответа.

— Говорю, давно знакомы с ней? Она тоже журналистка?

— Нет, нет, — замотала головой корреспондент. — Она гуманитарной помощью занимается. Товарищ прапорщик, а как вас зовут?

— Коля. В смысле, Николай Иванович.

— Николай Иванович, можно вас немного поспрашивать пока едем? — Ирина достала из нагрудного кармана свой всегдашний блокнот; за спираль вместо ручки был заткнут более надёжный «в поле» карандаш. — А то — журналистка, и ничего не написала ещё.

Командир машины оглянулся на сидящих спереди слева бойцов, пожал плечами.

— Ну…

«Николай Иванович КОТЕЛЬНИКОВ, прапорщик (среднего роста, рыжий, страшно бубнит). 70 г.р., детдомовский: мать алкоголичка, отец — сидел. 9 классов. После детдома — в армию, служить хотел (говорит: «А что бы я делал на гражданке-то? Таким, как я, только и служить. Было бы образование, а так…») Мотострелок, остался на сверхсрочную. Хочет выучиться и быть офицером»…

— М-мать!.. — крикнул сидящий за штурвалом боец. Ирина, вздрогнув от

неожиданности, опять стукнулась головой в низкий потолок и выронила блокнот. Водитель ударил по тормозам и направил машину влево, инерция шатнула пассажиров вперёд. Сквозь лязг гусениц и звенящую в голове боль журналистка услышала, что БМП уткнулась во что-то твёрдое.

— Сука! — прошипел Котельников. Вскочив с места, прапорщик открыл башенный люк и закричал, обращаясь к кому-то снаружи. — Ты что, урод, ослеп?! А ну, блядь!.. Сгинь с дороги!

В ответ ему посыпались состоящие из русского мата и нерусских слов (надо полагать, тоже не очень ласковых) выкрики. Шаря по полу в поисках блокнота, Ирина хорошо расслышала искажённую кавказским акцентом реплику: «Свиниа! Борт памиал!»

— Сам ты свинья! — крикнул в свою очередь мехвод. — Водить научись! Убирайся с дороги, задавлю!

Между тем шум снаружи усиливался. По добавившимся женским голосам и детскому улюлюканью журналистка сообразила, что снаружи собиралась целая толпа. По броне забарабанили.

— Ты что?! Куда?! — странным удивлённо-негодующим голосом взревел прапорщик. — Слазь!

Кто-то взобрался на машину и пытался вытащить водителя из его люка. Боец отбивался, но две волосатые ручищи схватили его за шиворот и потянули наверх. Сидевший за мехводом боец уцепился за куртку товарища и стал тащить его обратно. Ирина, оцепенев от ужаса, наблюдала за этой картиной. Котельников нырнул в башню, схватил автомат и, лязгнув затвором, выскочил обратно.

— Убью, суки! Назад! — волосатые ручищи отцепились от мехвода, и боец мгновенно захлопнул свой люк. Нерусский гомон снаружи усилился ещё больше. — Отошли! Сказал, отошли! Стрелец, — крикнул прапорщик в машину, — наводи пушку, блядь!

Солдат, который сидел за мехводом, протиснулся в подбашенный отсек и беспомощно вскинув руки уставился на казённик орудия.

— Стрелец, наводи!

— Ты стрелец?! — спросила Ирина.

— Да!

— Так наводи!

— Не умею я! — истерично завизжал боец.

Снаружи раздалась длинная очередь, женский визг и непередаваемый звук бросившейся врассыпную толпы. Подумав, что сейчас начнётся перестрелка, Ирина затравленно глянула на Котельникова.

Но ничего страшного не случилось. Шум утих, и прапорщик опустил автомат. Снаружи донёсся зычный оклик:

— Какого тут происходит?!

— Товарищ майор! Эти залезли нам под гусеницы!

— Врот руски! Они нас шибли! Борт памиал! — завизжал чеченец так, что было отчётливо слышно даже внутри машины.

— Ты не шуми, потерпевший! А то я тебе не только капот помну! — угрожающе заявил невидимый Ирине майор. — Регистрационный номер видишь? Запиши и по команде передавай! И нех тут сборища устраивать! Канай, пока отпускают. Канай, канай отсюда!

Спустя несколько напряжённых секунд журналистка услышала что-то неразборчивое на незнакомом языке и стук закрывающихся дверей. Покашляв старым мотором, автомобиль чеченцев (судя по звуку, «козёл»), завёлся и покатил прочь.

— Спасибо, товарищ майор! — выдохнул Котельников.

— Обращайтесь. Толя, поехали!

Снаружи взревел ещё один мотор — гораздо более мощный. Мимо «бэхи» проехало что-то тяжёлое, вроде грузовика.

— Наши? — спросила Ирина.

— Ага, — Котельников тяжело опустился на сидение и утёр рукавом пот. — Вэвэшники. Ну, внутренние войска.

— А в кого мы врезались?

— Да в ментов местных, — вступил в разговор мехвод. — Вот уроды! Он же прямо под нос мне вылетел! Хорошо шли медленно, а то я бы его по асфальту раскатал!

— Да лучше бы раскатал… Поехали, — махнул рукой прапорщик.

— Есть.

Водитель снова запустил двигатель, и машина, взбрыкнув, тронулась с места. Ирина, собираясь с мыслями, пробежалась глазами по последней записи. Она хотела было снова обратиться с расспросами к прапорщику, но тут её внимание привлёк тощий паренёк, которого Котельников назвал стрельцом. Боец сидел неподвижно, уставившись в угол.

— Парень, а парень?

— Что?! — встрепенувшись, взвизгнул тот.

— Ты правда не умеешь стрелять из пушки?

— Не умею.

— Но… Почему? Ты же стрелец.

Парень дико посмотрел на женщину. Увидев этот взгляд, Ирина пожалела, что пристала к солдату. Она уже хотела извиниться, но боец неожиданно заговорил…

«Ефрейтор СТРЕЛЕЦ Фёдор Сергеевич, 1979 г., Ленинград. Пулемётчик. Отец — инженер, мать — учительница музыки. Очень нервный, с частыми перепадами, очень худой. Глаза странные.

… Да все думают, что это кличка такая. В школе, когда дошли по литературе до «Федота-стрельца», ребята потом дразнились долго ещё… Да я даже не дрался никогда! Я же учился скрипке. Видите (показывает пальцы)? На конкурсах выступал, лауреатом был, дважды... Когда повестка пришла, мама впала в прострацию, хотела с какой-то своей подругой договориться, врачом, чтобы не брали меня, но отец не дал. Он сам на флоте служил… Нет, не боялся. Наоборот даже: хотелось оторваться от всего этого… Учился, конечно, в той же школе, где мама работала. Конечно, «маменькиным сынком» считался. Хотелось доказать, что ничего подобного…

… Я с оружием быстро освоился: с тонким инструментом привык работать. Да, тонкий инструмент, не «толще» так сказать скрипки... Дали попробовать РПК и СВДшку, снайперскую винтовку, и сказали: выбирай. Выбрал пулемёт — солидней, мощнее. Когда присвоили ефрейтора и второго номера мне дали, под команду, очень горд был: сам добился!..

… Сюда приехали в декабре. Сначала просто стояли гарнизоном. Кое-где постреливали, доносилось, но у нас ничего такого не было. Потом, шестого числа, «чехи» опять в Грозном появились. Говорят, там просто ужас был. Нас взяли в сводный отряд, усилили танками и зенитками. Думал: сила, «духи» разбегаться будут. Ага, как же.

Три дня назад в первый раз в бой попали. Стали лагерем, ещё толком не закопались — пальба со всех сторон. Из миномётов и гранатомётов долбили... Впервые «на живую» стрелял. Потом долбанули нашу «бэху». Мы — в периметре лагеря, в старых окопах, ещё с прошлых боёв. А для машин рыли новые окопы каким-то бульдозером. Для нашей «бэхи» вырыть не успели, и она стояла открытая — вот и долбанули, кажется, из миномёта. Загорелась «бэха», потом снаряды внутри взорвались. А я в ячейке лежал со вторым номером: когда БМП подбили, его ранило, а меня оглушило, туман в голове. Мы совсем близко были. Нам бы при взрыве конец пришёл, если б нас танк не прикрыл… Буквально прикрыл, встал прямо над окопом. Но взрыв всё равно такой был, что меня опять оглушило. Пальцы теперь трясутся. Видите (показывает пальцы)?»

… Неожиданно парень прервался на полуслове. Ирина, ожидая продолжения, перевела взгляд на Стрельца: большие серо-зелёные глаза ефрейтора опять дико расширились, он снова уставился в никуда, будто увидев за спиной журналистки что-то невообразимо жуткое. Просидев так несколько мгновений, Стрелец помотал головой, буркнул «простите, пожалуйста» и отвернулся…

… В общей сложности путь от Ханкалы до лагеря занял час.

Ирина не сомневалась, что её ждёт «тёплый» приём. Так, естественно, и вышло: сначала свою порцию нецензурщины, посвящённой появлению «бабы на корабле», выслушал Котельников, потом распинавший прапорщика лейтенант переключился на журналистку. Правда, на Ирину (которую весьма позабавила его фамилия: Брысин) он орать не стал, а прочитал довольно здравую, в сущности, нотацию: что недавно был новый обстрел, что есть раненые, и что в зоне боевых действий нечего делать гражданским, тем более — женщинам, особенно — журналистам. На вопрос «Почему журналистам особенно?» Брысин ответил, не задумываясь: «Врёте много». Никак не отреагировав внешне, мысленно корреспондент согласилась с лейтенантом.

Но больше всего её огорчило, что груз они везли зря: весь «лагерь», по сути, состоял из окопов и зарытых в землю по башни бронемашин. Оставить «гуманитарку» было негде, и журналистка с большим трудом уговорила командира отряда, бровастого майора, взять хотя бы продукты и раздать бойцам.

А вот вымолить возможность остаться до вечера и посмотреть на боевую работу не получилось. Майор был непреклонен: «При всём уважении, барышня, к вашему бесстрашию — нет. Затишья здесь нет — есть тактическая пауза. И когда она кончится, будет новый бой. А посторонним на поле боя быть нежелательно, для их же безопасности. За ранеными придёт колонна, через немного времени, вот с ней вас назад и отправим. Пока ждёте, пишите свои корреспонденции, но не дольше. И от сопровождающего — ни на шаг!»

Журналистка не стала спорить: у неё не было контраргументов против слов майора. В компании Котельникова она ходила по лагерю от машины к машине, расспрашивая всех, кто соглашался говорить, и делая пометки в блокноте…

«Местность: стоим на холме, у подножия — два селения, большое и маленькое, разделены дорогой. Напротив нашей, справа от дороги — ещё высотка, большая, покрыта деревьями. Большое село таким образом стоит в лощине между нашей и второй высотой. Котельников говорит — боевики стреляли с большой высотки и из селений, прикрываясь домами. Туман сильный, говорят, предыдущие дни видимость была ещё хуже».

«Ст.лейт. ОРЛОВ Алексей Дмитриевич, ком. танк. взвода (светло-русый, среднего роста, улыбчивый, странно опрятный).

… Учился в Челябинске, в ВТКУ. Прибыл в начале января, с Урала, на должность командира взвода, 1-я танк. рота 678-го мотострелк. полка. Танки в роте — Т-72Б1, новые, 1985 года выпуска, с баз хранения (показывает на свою машину: на башне фара (?), на крышке фары белой краской рисунок мотоцикла [как на дорожном знаке] и надпись угловатыми буквами «Герой асфальта»). Мехвод написал, говорит — песня какая-то так называется, про мотогонщиков. Экипажи — из СибВО, молодцы ребята: водят и стреляют прекрасно, даже водители умеют включать СУО (управ. огнём) и стрелять. Полная взаимозаменяемость, то бишь…

… Я сам не очень опытный, честно сказать: за два месяца ещё не воевали. Первый раз в бою были позавчера. Сюда забрались утром, стали закрепляться. Часть окопов уже была, с 95-го ещё, сапёры их проверили на предмет мин. Для бронетехники рыли траншеи ИМР и БТС (инженерные машины). Где-то часов в 10 утра, прям в центре что-то шарахнуло. Ещё командир спрашивает корректировщика: «Вызывал огонь? – Нет!» А кругом уже разрывы и пули свистят. Я был у КШМ (?), до танка метров пятьдесят. Ну, рванул… Да толком не видать было: туман, видимости — метров 500. Лупили буквально

«в белый свет», наугад. Минут через двадцать после начала наводчик докладывает: справа горит «бэха». Высунулся в люк, смотрю: из ямы рядом с БМП пулемётчик стреляет, уходить не хочет. А вокруг мины рвутся. Наводчик: «Прикроем? — Корпусом, что ли? — Ну!» Кое-как прикрыли, тут в «бэхе» боекомплект рванул: башню отбросило, а у нас люки открытые были, по ушам хлопнуло изрядно, до вечера тошнило потом…»

«Лейтенант БРЫСИН И.К.

У нас тут вообще гостей много было за три дня. Ну, «чехи», понятно, со своими игрушками… Кстати, вооружены хорошо, твари: миномёты, граники, АГСы (?). С наших же складов, советских! Работают профессионально, особенно миномётчики и снайпера… А за час до вас ВВшники были, на БТРе, чистенькие такие. Приехали, постояли, походили. А тут как раз несколько одиночных мин упало: «чехи» беспокоящий огонь ведут. Эти постояли ещё чуть и уехали. Вы их должны были встретить, в дороге (!). Теперь, наверное, в новостях покажут: доблестные бойцы внутренних войск принимают участие в обороне высоты. Много врёте вы, много…

… Я ж не зря говорю, что гражданским тут делать нечего. Мы-то сами — уже привычные — ужасаемся бывает. Я тут с ноября ещё, навидался. Как-то ехали патрулём на «бэхе», вдруг метрах в двухстах — шапка взрыва. По газам! Подъехали: БТР перевёрнутый, днище лопнуло, колёса передние выбиты. На мине подорвался. Ребят, понятно, покалечило изрядно. У одного вместо ног до колен — лохмотья кровавые; лежит на асфальте, к руке автомат вместо шины примотан, безумными глазами в небо смотрит. Вот она жуть-то где! (сам высокий, тощий, на цаплю похож)»

Обещанная майором колонна прибыла в два часа пополудни: четыре гусеничных бронетранспортёра без башен (таких Ирина ещё не видела); во главе кавалькады машин шёл танк с прицепленным на носу странным агрегатом с колёсами (Котельников объяснил, что это противоминный трал). Два из прибывших БТР были с красными крестами. Пока санитары грузили раненых, Ирина стояла у машин и совала лежащим на

носилках бойцам банки с консервами, которые прихватила, по нескольку штук, из коробок. Кому-то доставалась сгущёнка, кому-то — абрикосовый компот. Последнему попался консервированный ананас; Ирина рассмеялась и хотела зажать «трофей» в руке солдата, но тот, помрачнев, ответил, что ему оторвало осколками все пальцы.

Обратно почему-то поехали без танка-тральщика: только санитарные машины и «бэха» Котельникова. Ехали молча: командир следил за обстановкой; Федя Стрелец сидел, судорожно обняв свой пулемёт; водителю, понятно, было не до разговоров; а Ирина никак не могла выкинуть из головы последнюю виденную ей военную картинку — мрачное лицо солдата с оторванными пальцами.

Расставаясь в Ханкале с экипажем «бэхи», Ирина попросила Котельникова, Федю и Александра (мехвод представился просто: «Александр», фамилию журналистка так и не узнала) сфотографироваться на память. Так она их и запечатлела: усталый рыжий прапорщик; серьёзный, даже солидный, водитель, и пулемётчик с испуганно-детскими глазами на фоне борта старой БМП.

Погода вроде бы чуть улучшилась, и вертолёты летали. Раненых, конечно, отправили первым рейсом. Журналистке тоже предлагали место, но она отказалась: нужно было дождаться Зою; благотворительницу, перепачканную в грязи и заплаканную, привезли на аэродром только два часа спустя…

— Полозова, ты совсем, что ли?! — редактор встряхнул пачкой исписанных листов. — Ир, ну что это? Раненые, оторванные пальцы… Стычки с местными… Я о чём тебе сказал писать?

— О дружбе народов, помню. Вот такая там «дружба народов» сейчас, — пожала плечами Ирина.

Ваганыч покачал головой.

— Ох, Полозова, Полозова… Дорисуй-ка мне вот это, про «Героя Асфальта». Чтобы было в лучших традициях: «В Н-ской части, где командиром товарищ Иванов, героические бойцы» и так далее, понятно? Это пущу в печать, а остальное — ни-ни. Нельзя сейчас такое печатать.

— То есть правда опять остаётся в тени?

— «Опять»! — передразнил редактор. — Не «опять», а всё ещё. Забыла ты, в какой стране живёшь, ой, забыла…

— Да уж… Знаете Полибия?

— А, который историк? Грек? Знаю. А что?

— Ничего, — Ирина, собирая свои черновики, отрицательно помотала головой…

Ничто так не объясняет настоящее, как знание прошлого.

Полибий.

Автор выражает благодарность Е.Г. Шевелёвой и А. Соколову, на чьих воспоминаниях основан данный текст.